

В. Б. МИКУШЕВИЧ

Вестничество и самозванство гениальности по Даниилу Андрееву

Трансфизические странствия Даниил Андреев упоминает неоднократно. Это смыслообраз книги «Роза Мира». Я. Э. Голосовкер, автор «Сожженного романа», весьма вероятный прототип булгаковского Мастера, переводил словом «смыслообраз» немецкое «Sinnbild», означающее «символ»¹. А Даниил Андреев пишет: «Именно в тюрьме начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического познания. <...> Глубинная память стала посылать в сознание все более и более отчетливые образы, озарявшие новым смыслом и события моей личной жизни, и события истории и современности. И наконец, пробуждаясь утром после короткого, но глубокого сна, я знал, что сегодня сон был наполнен не сновидениями, но совсем другим: трансфизическими странствиями»*.

«Странствия» уводят к роману Даниила Андреева «Странники ночи», ставшему поводом для его ареста и уничтоженному по окончании следствия. «Странствие» — одно из ключевых слов для Даниила Андреева². Неслучайно и в своей легальной литературной деятельности он предпочитает писать книги о путешествиях и путешественниках³. И герой романа «Странники ночи» Саша Горбов — археолог, потому что странник; его поездки из Москвы в Трубчевск, из Трубчевска в Москву — настоящие странствия. Для поэта Олега Горбова соблазнительное странствие — свидание с Имар при ее экзотическом, евразийском облике (она живет в той же андреевской Москве, но ее бухарский халатик, фиолетовый с желтыми разводами, влечет

* Андреев Д. Л. Роза Мира // Даниил Андреев. Собр. соч.: В 3 т. М.: Московский рабочий; Фирма «Алеся»: Присцельс, 1993–1997. Т. 2. С. 66. [РМ 2.1.35 (3:60).]

в пространство «Тысячи и одной ночи», да и читает она в ожидании Олега роман Фейхтвангера «Лже-Нерон», пронизанный все тем же соблазном Востока)*⁴. «Странники ночи» напоминают, что роман изначально был книгой странствия в поисках Грааля⁵, о чем свидетельствуют поэтические романы Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха, и главным источником сведений о Граале до сих пор остается именно роман, а не многочисленные последующие трактаты на эту тему. «Розу Мира», свою тюремную книгу, Даниил Андреев называет трактатом**⁶, но, очевидно, «Роза Мира» — вторая книга после «Странников ночи» не только хронологически, это вторая книга того же романа, ибо и «Роза Мира» — книга странствия⁶, странствий по мирам возмездия, мирам восходящего ряда и по высшим мирам, хотя странник заточен в политическом изоляторе, в тюремной камере. Существует загадочная переключка «Розы Мира» с романом Джека Лондона «Межзвездный скиталец» («The star-rover»)⁷, переключка, быть может, неосознанная, хотя имя Джека Лондона встречается в «Розе Мира». Межзвездный скиталец пускается в свои трансфизические странствия (термин Даниила Андреева самый точный для них), не просто заключенный в американской тюрьме, но натуго затащенный в «смирительную куртку из брезента с медными петлями, проделанным вдоль краев»***⁸. И при этом он дерется на дуэли во Франции, переживает упоительную любовь в Корее, присутствует при распятии Христа, не забывая упомянуть святую чашу Грааля****⁹, таинственный исток любого романа, о чем бы в романе ни шла речь.

В современном повседневном словоупотреблении слово «роман» является синонимом, так сказать, дозволенного или даже узаконенного вымысла, почему-то считающегося реализмом. Между тем в своих истоках роман не имел с вымыслом ничего общего, воспринимаясь как повествование о событиях, безусловно реальных, даже более реальных, чем житейская повседневность. Именно так читает рыцарские романы Дон Кихот, и на этом Сервантес основывает главную коллизию своего романа, пишущегося в эпоху, когда в прежней поэтической реальности только что увидели вымысел. Кстати, для Даниила Андреева и Дон Кихот — абсолютно реальная

* *Бежин Л. Е.* Даниил Андреев — Рыцарь Розы. М.: Энигма, 2006. С. 214–215.

** *Романов Б. Н.* Путешествие с Даниилом Андреевым. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 417.

*** *Лондон Д.* Полн. собр. соч.: В 24 т.: В 48 кн. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928–1929. Т. 12. С. 41. (Приложение к ж. «Всемирный следопыт»).

**** Там же. С. 222.

личность, давно уже пребывающая в Синклите Мира*. Примечательно, что следователи МГБ сочли роман самого Даниила Андреева не просто антисоветским произведением, а чуть ли не протоколами реально существующей антисоветской террористической группы: «Обвинение основывалось во многом на романе Д. Андреева „Странники ночи“, над которым он работал с 1937 по 1947 год»**, — тоже по-своему весьма убедительное подтверждение исконного, истинного реализма, присущего роману в изначальном понимании. Такой реализм совпадает с реализмом средневекового учения об универсалиях, вслед за Платоном усматривающего реальность в идеях-прообразах. Этого учения придерживались Ансельм Кентерберийский и Фома Аквинский, так что формировалось оно практически одновременно с поэтическим романом Средневековья. С другой стороны, для поэтического романа существенно или даже сущностно определенное соотношение феномена и символа, вернее, их несоответствие. Андрей Белый писал в письме к Н. И. Петровской: «<...> мистика не может согласиться с необходимостью внешних феноменов. Ни Христос, ни Будда, ни пророки не устраивали сеансов, а если и производили чудеса, то они имели явно преобразовательный смысл, т. е. были символами («смыслообразами». — В. М.), а не феноменами»***. В современном прочтении «Розы Мира» сталкиваются две одинаково превратные, на мой взгляд, тенденции. Одна из них приписывает «Розе Мира» фантастику, лишь иллюстрирующую отвлеченные идейные или даже идеологические построения; другая, напротив, подменяет реалистические, реальные символы книги внешними феноменами, сводя ее к репортажу о контактах с потусторонним, к медиумическим записям своего рода. Между тем, только приняв «Розу Мира» за роман в исконном поэтическом смысле, мы воспримем и оценим книгу как философское *specto* и как источник таинственной информации, что характерно для русской религиозно-философской традиции, сочетающей философское умозрение с художественной формой.

Возникает явная аналогия между «Розой Мира» и старофранцузским «Романом о Розе» (авторы Гийом де Лоррис и Жан де Мен, XIII век). Известен пристальный творческий интерес Даниила Андреева к Титурелю и Парсифалю, героям поэтических

* Андреев Д. Л. Указ. соч. С. 397. [РМ 10.3.5 (3:356).]

** Романов Б. Н. Указ. соч. С. 415.

*** Белый А. Петербург. Л.: Наука, 1981. С. 655. (Лит. памятники).

романов Вольфрама фон Эшенбаха. Современные исследователи снова ищут в романах Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха сведения о Граале, а не просто поэтические фантазии. Но сведения эти основываются на том, что автор «Парсифаля», как и автор «Персеваля» — поэт. Так и «Роза Мира» написана поэтом, и это слово для Даниила Андреева приобретает свой настоящий глубинный смысл; поэт — носитель особого мистериального знания; поэт не выдумывает, не сочиняет, а созерцает, угадывает реальность.

Такой взгляд на поэта совершенно традиционен. В диалоге Платона «Ион» читаем: «<...> поэт — это существо легкое, крылатое и священное; и он может творить лишь тогда, когда сделается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка, а пока у человека есть этот дар, он не способен творить и пророчествовать. И вот поэты творят и говорят много прекрасного о различных вещах <...> не с помощью искусства, а по божественному определению. <...> Ведь не от умения они это говорят, а благодаря божественной силе; <...> но ради того бог и отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, божественными вещателями и пророками, чтобы мы, слушая их, знали, что не они, лишённые рассудка, говорят столь драгоценные слова, а говорит сам бог и через них подает нам свой голос»^{*8}.

Неслучайно, таким образом, Даниил Андреев со спокойным достоинством признает: «Да и к репутации сумасшедшего мне не приходится привыкать»^{**}. Так Даниил Андреев по-своему признает правоту Сократа в диалоге «Ион». Не в том ли трагикомедия Дон Кихота, что он безумен (или мистериально информирован), как поэт... не будучи поэтом? Даниил Андреев прямо-таки подхватывает речь Сократа: «Здесь я подхожу к факту, который неизбежно вызовет почти в каждом, читающем эту книгу, вспышку отрицания и даже возмущения. Но если нельзя выбросить слова из песни, то и из этой книги нельзя выбросить мысли. Итак, те существа, о которых я заговорил как о низшей расе даймонов, можно отчасти определить как *метапобразы* некоторых героев мировой литературы и искусства Энрофа. Случается, что интуиция художников Энрофа, свойственная, впрочем, лишь гениям, прозревает в Жерам, созерцает какое-либо из этих существ и приводит к созданию его

* Платон. Ион / Пер. Я. М. Боровского // Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1990–1994. Т.1. С. 377. (Философ. наследие).

** Андреев Д. Л. Указ. соч. С. 138.[РМ 3.2.111 (3:124).]

отражения в человеческом искусстве»*. Эти слова Даниила Андреева определенно проистекают из слов Сократа: «Тут, по-моему, бог яснее всего показал нам, что мы не должны сомневаться, что не человеческие эти прекрасные творения и не людям они принадлежат; они — божественны и принадлежат богам, поэты же — не что иное как толкователи воли богов, одержимые каждый тем богом, который им владеет»**.

Из такого взаимодействия или интуитивной переклички возникает в «Розе Мира» определение вестничества: «Вестник — это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле <...> слова <...> правду и свет, льющиеся из миров иных»***. Здесь намечается, впрочем, и расхождение между Даниилом Андреевым и Платоном. Для Платона поэзия божественного происхождения, но это не значит, что она божественна, далеко не всегда это «правда и свет, льющиеся из миров иных», скорее даже никогда. В диалоге «Ион» Сократ говорит о поэзии не без иронии, как подметил французский поэт Рене Домаль, автор эзотерического романа «Гора Аналог»****. Другие диалоги Платона прямо предостерегают от поэзии. Поэзия — безумие, правда, насылаемое богами, но тем более опасное и потому нежелательное в благоустроенном государстве⁹. Вполне в духе Платона известные строки Пастернака:

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста*****¹⁰.

Даниил Андреев мог знать эти строки Пастернака, даже, по всей вероятности, знал их, но примечательно, что Пастернак отсутствует среди поэтов, рассматриваемых в «Розе Мира», несмотря на всю популярность Пастернака среди интеллигенции тридцатых годов, пытающейся сохранить хоть намеки на умственную независимость. Складывается впечатление, что «странников ночи» Пастернак особенно

* Там же. С. 146. [РМ 3.3.19 (3:131–132).]

** Платон. Указ соч. С. 377.

*** Андреев Д. Л. Указ соч. С. 369. [РМ 10.1.4 (3:332 — «...из иных миров».)]

**** Повель Л. Мсье Гурджи́ев. М.: Эни́гма, 2006. С. 480.

***** Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит-ра, 1988. С. 163.

не интересует, хотя в самом Данииле Андрееве находят сходство с Пастернаком: «На Пастернака маленько похож»*. Мандельштама Даниил Андреев упоминает вместе с Ключевым и Клычковым среди других жертв репрессий, не уделяя внимания его поэзии. Марина Цветаева в «Розе Мира» просто отсутствует. По-настоящему озадачивает отсутствие в книге даже упоминаний об Анне Ахматовой.

Отношение Даниила Андреева к тем или иным поэтам теснейшим образом связано с его опытом вестничества. Владислав Ходасевич (кстати, тоже отсутствующий среди поэтов «Розы Мира») возводил начало русской поэзии к «благодатному ямбу» Ломоносова:

И первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал**¹¹.

Даниил Андреев отдает должное прорывам космического сознания в творчестве Ломоносова***, но великая русская литература началась, по его мнению, соды Державина «Бог»****. Знаменательно это расхождение между Даниилом Андреевым и Владиславом Ходасевичем. Для Даниила Андреева главное в литературе не сама литература, а то, что свыше, согласно Платону, или по Блоку: «Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда»*****. В этой связи личная одаренность поэта, его самовыражение, не вызывает у Даниила Андреева особого интереса, даже если он и признает нечто подобное. Но когда самовыражение разрастается или абсолютизируется, оно настораживает Даниила Андреева, как в случае Бальмонта, Брюсова, Игоря Северянина и Маяковского, подменяющих, по его мнению, возможное желаемым: «Каждый из этих деклараторов убежден, что гениальность — качество, неотъемлемое от его личности, даже его достижение»^{6*}. Для Даниила Андреева такое убеждение неприемлемо. Для него видеть в творчестве свое достижение — ошибка или даже кощунство: самозванство гениальности^{7*}. Творчество, тем более вестничество, требует смирения. Даниил Андреев испытывает глубокую симпатию к творчеству поэтов не гениальных, но подверженных высшим наитиям и умеющим их ценить. Вот почему Максимилиан

* *Бежин Л. Е.* Указ. соч. С. 290.

** *Ходасевич В. Ф.* Л: Сов. писатель, 1989. С. 302. (Б-ка поэта).

*** *Андреев Д. Л.* Указ. соч. С. 379. [РМ 10.1.27 (3:341).]

**** Там же. С. 380. [РМ 10.1.28 (3:341).]

***** *Блок А. А.* Соч.: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 386.

^{6*} *Андреев Д. Л.* Указ. соч. С. 371. [РМ 10.1.9 (3:334).]

^{7*} Там же. С. 372. [РМ 10.1.9 (3:334).]

Волошин ему ближе, чем Пастернак и Мандельштам. «Кроме того, многие вестники обладали не художественной гениальностью, а только талантом»*, — пишет Даниил Андреев. Среди вестников он выделяет «и такого превосходного, хотя и не гениального поэта, как А. К. Толстой», и называет изумительным его стихотворение: «Тщетно, художник, ты мнишь, что своих ты творений создатель»**.

По этой линии проходит в «Розе Мира» размежевание среди русских поэтов: те, кто привержен высшему началу, и те, кто довольствуется самим собой. Так, по Даниилу Андрееву, Пушкин «впервые поставил во весь рост специфически русский, а в грядущем — мировой вопрос о художнике как о вестнике высшей реальности»***. Но в романе Даниила Андреева о русском поэте, выступающем в разных обликах и под разными именами, хотя он один и тот же, в сущности (как у Рильке, «в конечном счете есть лишь Один, тот Бесконечный, который то здесь, то там в разные времена обнаруживается то в одном, то в другом духе, ему подверженном»****), в «Розе Мира» выступают два истинных героя: Лермонтов и Блок. Они-то и превращают повествование Даниила Андреева о русской поэзии в роман, возвращают его в родное лоно, где движутся странники ночи. У Лермонтова две тенденции: песнь Ангела, «которой потом „заменить не могли ей («душе молодой». — Г. С.-Л.) скучные песни земли“»***** и «бунтарская тенденция <...> разъедающее-пессимистических раздумий»**. Точно так же у Блока «возрастание художественного уровня идет параллельно линии глубокого духовного падения»^{7*}. Падение Блока означено Петербургом здешним и нездешним и завершается поэмой «Двенадцать»: «<...> не только элементов пророчества — хотя бы просто исторической дальновидности в этой поэме нет. „Двенадцать“ — последняя вспышка светильника, в котором нет больше масла¹²<...>»^{8*}

Трагические образы поэтов из «Розы Мира» не могут не наводить на мысль: кроме самозванства гениальности, бывает самозванство

* Там же. С. 369. [РМ 10.1.4 (3:332).]

** Там же. С. 370. [РМ 10.1.7 (3:333).]

*** Там же. С. 386. [РМ 10.2.23 (3:347).]

**** *Микушевич В. Б.* Великий магистр отсутствий // Рильке Р. М. Сады / Пер. с нем. и фр. и послесл. В. Микушевича: М.: Время, 2003. С. 275. (Триумфы).

***** *Андреев Д. Л.* Указ. соч. С. 391. [РМ 10.2.39 (3:351).]

^{6*} Там же. [РМ 10.2.38 (3:351).]

^{7*} Там же. С. 427. [РМ 10.5.39 (3:384).]

^{8*} Там же. С. 432. [РМ 10.5.58 (3:389).]

вестничества. Даниил Андреев пишет: «Но по мере того, как церковь утрачивала значение духовной водительницы общества, выдвигалась новая инстанция, на которую перелagался этот долг и которая, в лице крупнейших своих представителей, этот долг отчетливо сознавала. Инстанция эта — вестничество»*. Слово «церковь» (недаром с маленькой буквы) отличается здесь недопустимой двусмысленностью¹³. Разумеется, это не та Церковь, о которой Христос говорит: «... на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»**. Что же возвещает вестник, если не ту Церковь, о которой говорит апостол Павел: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?»*** Даниил Андреев не мог этого не знать. Трагедию подобного самозванного вестничества он представил все в том же романе «Странники ночи». Поэт Олег Горбов мнит написать новую литургию, но в конце концов сжигает тетрадь с подобными поползновениями¹⁴. Казалось бы, и роман «Странники ночи» постигла та же участь, и на самом деле рукописи очень даже хорошо горят¹⁵. Но зато, «уничтожив рукопись, нельзя было уничтожить роман»****, — читаем в «Повести о сожженном романе». Обсуждая «Розу Мира», мы замечаем, что это мы странники ночи, и продолжение романа следует¹⁶.

* Там же. С. 369. [РМ 10.1.3 (3:332).]

** Мф 16:18.

*** 1 Кор 3:16.

**** *Безин Л. Е.* Указ. соч. С. 180.